

Ночь завершалась. Город пуст. Трава на клумбах прильнула к земле от скопившейся ночной влаги. Небо стало серым от горизонта до крыши домов. Воздух, словно только пробуждённый, свеж и мягок. Издалека с попутным ветром прилетают гудки поездов. В городе пахнет сном и негой.

Двое встретились на тротуаре. Старик дворник и парень, хмельной и грустный. Дворник метет листву. Парень просто идет. В лице последнего спряталась усталость длинной ночи. Опьянение уходит, оставляя грусть, боль и пустоту. Парень остановился, наблюдая, как старик с улыбкой выметает из углов окурки разных цветов и калибров, сгнившую и засохшую листву, обрывки газет и пыль. Как реставратор кисточкой снимает следы времени с ангельского лица на иконе. Парень смотрит пристально и долго.

– Вот зачем ты это так делаешь? Я не пойму, зачем ты так метешь? Тебе, правда, больше всех нужно? – спросил без эмоций парень.

Старик ничего не сказал, только мёл, привыкший к пьяным окрикам утренних возвращающихся. Но парень не сдался. Подошел поближе, присел на корточки, заглянул дворнику прямо в глаза.

– Ну ответь, пожалуйста. Тебе что, трудно?

– Чего ты от меня хочешь? – дворник остановился, снял перчатку с правой руки, провёл рукой по лбу, на секунду разгладив морщины, глубокие и тёмные. – Тебе нужно домой, тебя, скорее всего, ждут. Утро уже, видишь.

Парень горько улыбнулся.

– Да кому я нужен. Никому. Даже себе не нужен.

– Всякий человек кому-то да нужен. Даже я кому-то нужен, а уж у меня в этом гораздо больше поводов сомневаться, чем тебе.

Старик дворник повернулся спиной и стал сметать мусор в кучу. Таких куч на тротуаре уже много.

– Поговори со мной, пожалуйста. Ты ведь добрый. Должен же хоть кто-то быть добрым в этом мире! – последнее парень почти крикнул.

Старик осторожно, словно боясь резких движений, повернулся. Улыбнулся и показал на лопату и чёрный мешок для мусора, стоящие у трамвайной остановки:

– Тогда ты мне помогай. Я буду сметать мусор, а ты собирай кучи. За меня это никто не сделает, а скоро люди пойдут. – Сказал и улыбнулся.

Парень встал, подбежал к мешку, взял лопату, подошёл к дворнику.

– Ну и что, раз люди пойдут. Они даже и не заметят твоей работы – сказал он.

– Главное, что я замечу – ответил дворник – и мне будет приятно.

– А что приятного? Ты убираешь, встаёшь утром, все ещё спят, а они пойдут сейчас на работу, опять набросают, они даже не подумают, что кто-то тут трудился, пока все спали. Даже я не думаю. Днём ведь всё по-другому, не так, как утром, ты понимаешь наверняка.

– Это я хорошо понимаю. Рано утром люди слабее, чем днём. Проще. Даже ты, если бы шёл не утром, а днём, не подошёл бы к дворнику.

– Да, точно. Не подошёл бы.

– А чего пьёшь? Заняться нечем? Если нечем, ты приходи, я тебе помогу с этим.

– Заняться... Да вроде есть чем. Смысла не вижу. Все суета, как сказал кто-то. Никому не нужно то, что я хотел бы сделать. Мир несправедлив. Я точно это знаю. Много уже видел. Видел, как богатые становятся ещё богаче, как алкоголики живут до восьмидесяти, а хорошие люди умирают в

тридцать. Вижу каждый день, как всё тяжелее становится жить тем, кому и так было всю жизнь не сладко. Я думал, когда ходил за ручку с мамой, что если будешь все хорошо делать, всех слушаться, хорошо учиться, то все будет хорошо. Ничего подобного. Учился я хорошо. Слушался всех, старших уважал. И всегда меня за тряпку считали. Если покорный и добрый – то нужно на мне ездить. У меня руки опустились. Мне неинтересно. Было обидно, а теперь неинтересно. Хотя, если подумать, то и обидно.

Он замолчал, но было видно, что не высказался. В нём закипали слова и чувства. Старик, не подавая виду, работал. Они собрали одну за другой пять куч, в полном молчании. Уже совсем рассвело, и запели соловьи в мокром саду за углом. Пели они что-то печальное, потом серьёзное, потом сладкое. Отключилось освещение улиц, на мгновение стало чернее, но потом солнечный свет взял своё, и утро началось.

– Сколько тебе? – спросил старик.

– Двадцать шесть. – Ответил парень. – Двадцать шесть, а я ничего так и не сделал. И, скорее всего, ничего и не сделаю.

– Да, может, ничего и не сделаешь. – Старик остановился, оперся о черенок своей метлы, посмотрел в небо. И заговорил.

Он рассказал, что родился в этом городе уже давно, когда на планете жило людей гораздо меньше, а город этот был значительно более приветлив. И прост, как бывает всё просто в детстве. Родился он первым в обыкновенной семье, после него появилось ещё четверо детей. Когда ему было семь, отец утонул в море. Он остался за старшего – для трёх сестёр и совсем маленького брата. В десять пошел работать – сначала грузчиком, потом разносчиком, а потом ещё много где и в нескольких местах одновременно.

Тех небольших денег, что зарабатывала мама на швейной фабрике, хватало только на еду, и то лишь на самую скромную. На остальное зарабатывал он.

И они были счастливы, собираясь вечерами под тёплым абажуром лампы за круглым семейным столом, ели печенье и халву, которые он заработал, читали рассказы и романы по очереди вслух, потом долго о них говорили, и поздно ложились спать. Сёстры росли красивые, тонкие и нежные, все в маму – белокурые и почти что невосомые. Брат был смыслённый и серьёзный, быстро научился читать и скоро перестал пропускать свою очередь в чтении.

Всё оборвалось, когда ему исполнилось семнадцать. Он вернулся с ночной разгрузки вагонов, и, увидев выгоревшие окна их комнат, потерял сознание.

А очнувшись, едва не лишился рас-судка. Погибли все. И пережить это было невозможно, да и бессмысленно. Жизнь, со всем её смыслом, с радостями и горестями, с улыбками и слезами, с объятиями, с расставаниями и встречами – оборвалась. Ничего больше не было. Ничего.

Его определили в училище с проживанием. Год прошёл, он его даже не заметил. Потом была армия, первая любовь, первое предательство. Но главное, что теперь не изменялось, и не могло измениться – он теперь был один. Абсолютно один. И смысла, напряжения, натяжения струны жизни больше не было. Он хотел умереть сам, но не мог решиться на это. Ночи сменяли дни, понедельники – воскресенья, он старался не думать совсем, ибо всякие мысли приносили ему нестерпимую, острую, как сама смерть, боль. Он не хотел больше семьи, не хотел своего дома, заранее ощущая ту боль, на которую он обрекает себя заведомо, связываясь с живым существом. Он не стал встречаться с девушками, боясь привязаться. Да и все они чем-то напоминали ему о сёстрах и матери. Он решил, что одному быть если не лучше, то точно легче.

Потом он работал на заводе, смотрел на ленту конвейера и следил за четырьмя разноцветными лампочками – красной, жёлтой, зелёной и белой.

Каждое воскресенье утром он уезжал на крайнюю станцию метро, и шёл оттуда через весь город пешком, заходя по пути во все рюмочные и пивные. Домой приходил вечером, пьяный и уставший, ел холодные консервы, падал без чувств на жёсткую койку и спал до утра. На двадцатом году работы на заводе решил бросить пить по воскресеньям. Появилось много лишнего времени для раздумий. Чтобы сильнее устоять в течение дня, он устроился работать утренним дворником. Теперь день его начинался в четыре, а заканчивался в семь или восемь вечера, сразу после возвращения с работы. Он стал видеть другую, утреннюю сторону жизни.

Так прошло ещё двадцать лет, и теперь он может на память пересчитать все камни брусчатки на вверенной ему улице, пройтись по всем известным и скрытым дорожкам сада, и даже прослушать в голове песни соловьёв – от начала и до конца. В его квартире живут ещё три старухи, и половину своих денег он тратит на еду для них.

Парень задумался ненадолго, потом снова повторил вопрос:

– Так скажи всё-таки, в чём смысл жизни-то? У тебя ведь он есть, раз ты работаешь каждый день, находишь в себе силы вставать и идти работать.

– Я расскажу тебе. Только это будет долгий рассказ – сказал он – пойдём лучше ко мне.

И они пошли.

Скоро они оказались в тёмной комнате дворника, свежей от утренней прохлады, залетавшей в открытые окна. Все было очень просто – кровать, фотографии, стол и стул. Полка с книгами. Старик сделал крепкий чай, они сели друг напротив друга, старик заговорил.

Я видел слишком много горя. Я сам горевал больше, чем все несчастные, которых я видел и знал. И благодаря этому многое понял. Моя жизнь стала для меня самым важным уроком.

Теперь, уже старый и дряхлый, я счастлив. Я понял, что всё, из чего состоит мир, из чего состою я, как думающее существо – это набор символов, метафор, имеющих невероятно глубокий смысл. Всё, что есть внутри нас и вокруг – настолько хорошо сплуждено в композицию, в картину, в мелодию, в линии и свет, и всё это мы способны ощущать и чувствовать, чувствовать не просто как произведение, но чувствовать и всю глубину смысла, который заложен в любой вещи или яв-

лении. Вот, например, влетает в окно запах после дождя. Но мы ведь не думаем, что это просто запах. Мы с тобой понимаем и чувствуем, что за этим запахом, по-сути, просто набором молекул, раздражающим наш нос – глубина невероятная. За ним – наши детские лужи после дождя, руки матери, кораблики по весне. Первое свидание в мокром парке. Целая пропасть чувств и переживаний.

Мир – это набор символов. Символов невероятных, прекрасных, трагичных, сладких. А творцы символов – мы сами. Вселенная – лишь инструмент. Великий инструмент, непостижимый и сложный невероятно. С помощью этого огромного инструмента мы, маленькие и беспомощные люди, творим смысл. И смыслом этим заполняем, бывший пустым и холодным до нашего появления, космос.

– А ты веришь в Бога? – спросил парень.

– О, друг мой! Верю. Не то, что верю, я знаю. Я живу с ним. Ежедневно. Каждую минуту. Только в этом и есть смысл жизни.

– И что, тебя не смущает то, как Бог смотрит на нас, барахтающихся и несчастных, и ничего не предпринимает для того, чтобы нам стало легче?

– В том-то весь смысл, в том-то и дело, вот в чём суть! – словно обрадовался старик – Не предпринимает! И это невероятно!

– Почему? Ведь должен же любить нас, должен защищать, раз создал. Иначе это просто издевательство!

– Не соглашусь. Он дал нам возможность творить. И не вмешивается. Хочешь стать счастливым – становись! Ничто не мешает в этом мире твоему счастью. Ничто и никто, кроме ... тебя. – он улыбнулся.

– Кроме меня, конечно. Я хочу быть счастливым, но поводов нет. И смысла нет. И обстоятельства не те.

– Ну вот видишь. Только ты делаешь себя и своё счастье. И если ты действительно захочешь быть счастливым, то станешь, легко! Я говорил, что весь мир, это инструмент? Это я понял давно. А знаешь, как я понял, что Бог есть? Я это понял тогда, когда вдруг обнаружил, что весь этот космический инструмент настроен на мелодию счастья. Ну, в том смысле, что если не прилагать лишних усилий, то мир сам играет мелодию добра. А вот чтобы зло произошло, нужны усилия, ещё какие усилия! А если так – то есть Бог, и он добр. Я люблю Его и служу Ему.

– Служишь?

– Именно.

– Вроде как священник? – парень заулыбался.

– Ну, вроде того. Священник. Только с метлой в руках. Священник ведь – кто? Тот, кто приносит жертву. Так всегда было. А что такое жертва? Моя жертва – это чистые улицы. Я не ставлю себе высоких целей. Но знаю, что всякий, кто приносит плоды своих рук Богу в благодарность за всё, что есть – священник. Я не много могу дать, потому что не много имею. Я дарю Богу ежедневно чистые улицы, и я делаю свою работу так, чтобы Ему стало приятно и радостно за них. А Богу приятно, я уверен, раз я доволен своей работой. Смотрю на чистую улицу, и сердце радуется. И я знаю, чему оно радо. Это мой смысл жизни.

– Это и есть твой смысл жизни?

– Да, так и есть. Я каждый день счастлив. А если так – значит, я всё правильно делаю. Значит, живу.

Они сидели и пили чай из виноградных веток, похожий на вино запахом и цветом. И ели утренний тёплый хлеб, собирая со стола падающие крошки. И если в это утро родился ещё один символ, то значит, что для всего мира это утро прошло не просто так. Значит, они сотворили что-то новое в этой прекрасной Вселенной.